

ТУМАН
ВРЕМЕНИ

Карра Рr1der
Туман времени

«Автор»

2026

Pr1der К.

Туман времени / К. Pr1der — «Автор», 2026

Илья привык спасаться от одиночества в придуманных историях. У него есть близкие, дочь, друзья и жизнь, которую трудно назвать пустой, но только за письменным столом он может сказать то, о чём молчит вслух. Однажды под утро он выходит из родительского дома в Озерках и теряется на дороге, знакомой с детства. Туман приводит его к дому, которого здесь никогда не было. В первый раз за белой пеленой проходит одна ночь, а в его мире — несколько минут. Потом дни, недели и годы. Там Илью ждут, там он любит, теряет и становится старше. Здесь всё остаётся прежним, но с каждым возвращением кажется всё более бесцветным. Однажды ему придётся понять, какая из двух жизней настоящая и можно ли сохранить целый мир, если единственным доказательством его существования остаётся память.

© Pr1der К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Интро	5
Глава 1. До рассвета	7

Карра Prlder

Туман времени

Интро

Люди привыкли думать, что туман скрывает только пространство. Дорогу, ближайший дом, деревья на другом берегу, знакомый поворот, который ещё вчера можно было пройти с закрытыми глазами. Стоит белой пелене опуститься на землю, и мир сжимается до нескольких шагов, до собственного дыхания, до влажного холода на коже. Всё остальное словно перестаёт существовать, хотя человек знает: оно по-прежнему там.

Обычно туман — всего лишь вода, зависшая над землёй.

Но тот туман не был обычным.

Никто не видел, как он появился. Не было ни ветра, ни резкого похолодания, ни сырости, способной объяснить его возникновение. Белая пелена легла на знакомую дорогу незадолго до рассвета и медленно растеклась между домами, заборами и деревьями, будто долго ждала именно этого часа.

Возможно, она существовала лишь несколько минут.

Возможно, только один человек успел войти в неё прежде, чем первые лучи солнца коснулись земли и туман исчез так же бесследно, как появился.

Но что, если он скрывал не только расстояние?

Что, если за его неподвижной белизной находилось время, не подчинявшееся часам? Несделанные выборы, несказанные слова, встречи, которые должны были произойти, и лица людей, которых мы почему-то узнаём во сне, хотя никогда не видели наяву.

Возможно, сны и есть короткие проблески таких жизней — обрывки памяти о будущем, которое не случилось, или о прошлом, принадлежавшем кому-то другому. Мы просыпаемся, несколько секунд ещё помним чужой дом, голос рядом и ощущение чьей-то руки в своей, а затем всё исчезает, оставляя только необъяснимую тоску по месту, в котором мы никогда не бывали.

Для мира снаружи почти ничего не произошло. Стрелки часов едва успели сдвинуться. В родительском доме продолжали спать, телефон лежал возле кровати, а на влажной дороге ещё сохранялись следы человека, вышедшего прогуляться до рассвета.

Для него прошла целая ночь.

Сначала он решил, что всё случившееся было сном. Слишком подробным, слишком длинным и слишком убедительным, но всё же сном. Человек способен принять почти любое объяснение, если оно позволяет сохранить прежний порядок вещей. Усталость, нервное напряжение, игра света, сбой памяти — всё звучит разумнее, чем дом, которого не должно существовать, и женщина, никогда прежде его не видевшая.

Но однажды туман появился снова.

В следующий раз за белой пеленой прошло несколько дней. Потом неделя. Месяцы. Годы.

В обычном мире почти ничего не менялось. Люди продолжали разговоры, прерванные несколькими минутами ранее, музыка доигрывала песню, остывал чай, на экране компьютера оставался открытым незаконченный текст. Никто не мог заметить времени, которого не было на часах.

Только человек, возвращавшийся из тумана, уже не был прежним.

Снаружи он сохранял то же лицо, тот же голос, привычки и возраст. Внутри него оставались прожитые дни, разговоры, обиды, примирения, прикосновения и потери. Он помнил

жизнь, для которой в его мире не существовало ни фотографий, ни писем, ни документов. Помнил людей, способных продолжать жить только до тех пор, пока их помнил он.

Поначалу он боялся тумана.

Позже стал ждать его.

Обычная жизнь не была пустой. В ней оставались близкие, любимые люди, родительский дом, дочь, друзья, музыка, ночные разговоры и книги, которые он всё никак не мог закончить. Он смеялся, влюблялся, спорил, помогал другим, ходил по знакомым улицам и делал всё, что принято называть жизнью.

Но одиночество не всегда рождается из отсутствия людей.

Иногда оно появляется там, где человека любят, но не могут увидеть целиком. Там, где слишком многое остаётся внутри, потому что для некоторых чувств не существует подходящих слов. Он научился прятаться от этого одиночества в придуманных историях, отдавая своим героям страхи, признания и поступки, на которые не решался сам.

Писательство позволяло ему ненадолго становиться кем-то другим.

Туман позволил прожить чужую жизнь по-настоящему.

Каждое возвращение делало границу между мирами тоньше. То, что прежде казалось чудом, постепенно превращалось в ожидание, затем в необходимость, а потом — в единственное место, где он ощущал себя полностью живым. Здесь проходили минуты. Там его ждали годами.

Он всё чаще спрашивал себя, какая из жизней настоящая.

Та, существование которой подтверждали другие люди, или та, которую мог подтвердить только он?

Та, где его лицо почти не менялось, или та, где он успевал взрослеть, любить, ошибаться, терять и становиться старше?

Та, в которую он каждый раз возвращался, или та, из которой однажды мог не захотеть уходить?

Туман не отвечал.

Он вообще ничего не обещал. Не объяснял правил, не требовал платы и не давал человеку понять, выбирает ли тот собственную судьбу или лишь следует по дороге, давно проложенной кем-то другим.

Говорят, человек окончательно умирает тогда, когда исчезает последний, кто его помнит.

Но никто не знает, что происходит с целым миром, если единственный человек, способный сохранить его, однажды начинает сомневаться в собственной памяти.

Возможно, тогда ему остаётся только одно.

Записать всё, пока туман не забрал и это.

Глава 1. До рассвета

В половине четвёртого ночи Илья в третий раз перечитал один и тот же абзац и понял, что не верит ни единому написанному слову.

Текст был гладким, грамматически правильным и даже, вероятно, неплохим. Герой стоял у окна, смотрел на засыпающий город и размышлял о выборе, который должен был изменить его жизнь. Всё находилось на своих местах: ночные огни, отражение в стекле, чашка остывшего кофе, необходимая пауза перед внутренним признанием. Не было только одного — ощущения, что за этими словами действительно стоит живой человек.

Илья выделил абзац и нажал клавишу удаления.

На белой странице осталась мигающая вертикальная черта. Она возникала и исчезала с раздражающей размеренностью, словно терпеливо отсчитывала время, которое он опять тратил впустую.

Ноутбук стоял на маленьком столе в комнате, где Илья спал во время приездов к родителям. Когда-то она считалась его комнатой, хотя от прежней жизни здесь почти ничего не сохранилось. Вместо полок с дисками и книгами вдоль стены теперь стоял высокий шкаф с постельным бельём, на месте старого компьютерного стола мать устроила уголок для рассады, а выцветшие обои были заклеены там, где много лет назад висели плакаты музыкальных групп. Только возле двери оставалась небольшая царапина, появившаяся в тот вечер, когда Илья ещё подростком пытался занести в дом чужую гитару и ударил грифом о косяк.

Гитара ему так и не принадлежала. Играть он толком не научился, но несколько недель носил инструмент повсюду, потому что ему нравилось само ощущение деревянного корпуса в руках и мысль, что однажды пальцы смогут извлекать из струн не набор неуверенных звуков, а что-нибудь похожее на музыку.

Спустя годы он понял, что с писательством всё произошло почти так же. Сначала ему хотелось не столько писать, сколько быть человеком, который пишет. Потом истории незаметно стали единственным местом, где он мог произносить вслух то, что в обычной жизни предпочитал превращать в шутку, переносить на потом или оставлять при себе.

В наушниках закончилась длинная гитарная композиция. Несколько секунд Илья слушал тишину между треками, затем вступили барабаны, низкий гитарный рифф заполнил комнату, и где-то глубоко в груди возникло знакомое приятное давление. Он любил рок не за громкость и не за привычную красивую мрачность, а за честность звучания. В хорошо записанной гитаре всегда слышалось усилие: пальцы на струнах, сопротивление металла, лёгкая шероховатость, оставленная человеком там, где компьютер мог бы сделать всё идеально.

Илья убавил громкость. За стеной спали родители. Временами оттуда доносился кашель отца, потом кровать тихо скрипела, и дом снова замирал. Старые стены пропускали почти каждый звук, поэтому в детстве Илья всегда знал, когда мать встаёт ночью на кухню, когда отец возвращается поздно с работы и когда бабушка, жившая тогда в соседней комнате, включала маленький радиоприёмник, считая, что делает это совершенно бесшумно.

Бабушки не было уже несколько месяцев.

После неё в доме осталось удивительно мало вещей. Пара фотографий, тёплая кофта, которую мать никак не решалась убрать, несколько чашек и кресло возле окна. При жизни бабушка занимала собой гораздо больше пространства, чем могла вместить любая комната, а после смерти словно сжалась до набора случайных предметов, которые никто не хотел выбрасывать и к которым почти никто не прикасался.

Илья старался не смотреть на кресло, когда проходил мимо него. Не потому, что оно причиняло боль. Хуже было другое: иногда оно уже не причиняло ничего. Он мог пройти рядом, поставить на подоконник кружку, поправить занавеску и только через несколько часов вспом-

нить, что раньше в этом кресле почти всегда кто-то сидел. Такие моменты пугали сильнее слёз. Они означали, что жизнь действительно продолжалась, постепенно освобождая место даже от тех, без кого продолжаться, казалось, не должна была.

Он снял наушники и потёр лицо ладонями. На правой кисти в свете экрана темнела татуировка в виде ключа. Когда-то её смысл казался Илье совершенно ясным, хотя объяснить его другим он никогда не умел. Со временем значение изменилось, как меняется значение большинства вещей, переживших человека, которым ты был, когда их выбирал.

На экране телефона, лежавшего рядом с ноутбуком, горели уведомления. Несколько сообщений из общего чата, реакция на опубликованную главу, фотография от знакомой, два вопроса от читателей и короткое голосовое от дочери, присланное ещё вечером. Илья уже слушал его трижды, но снова коснулся экрана.

— Пап, смотри, — торопливо сказала она, после чего в записи зашуршало что-то непонятное. — Я сама сделала. Только тут немножко сломалось, но мама сказала, что можно приклеить. Ты завтра приедешь?

Дальше следовала пауза, будто девочка ждала ответа прямо внутри голосового сообщения, а затем она добавила:

— Ладно, спокойной ночи. Я тебя люблю.

Илья улыбнулся и почти сразу почувствовал лёгкий укол вины. Он ответил ей ещё вечером, записал длинное сообщение, пообещал приехать, спросил про сломанную поделку, но сейчас всё равно показалось, что этого было недостаточно. Отцовство часто состояло из странного сочетания огромной любви и постоянного ощущения, что ты присутствуешь не полностью. Можно было платить, приезжать, звонить, помнить каждую важную дату, волноваться из-за температуры, обследований и случайного кашля, но где-то внутри всё равно оставался вопрос: достаточно ли тебя в жизни собственного ребёнка?

Илья положил телефон экраном вниз.

У него были родители, дочь, друзья, женщины, с которыми его связывали отношения разной степени близости и определённости, читатели, знакомые и целое сообщество людей, способных в любой момент заполнить телефон сообщениями. Иногда он уставал отвечать всем и мечтал хотя бы несколько часов побыть один.

А когда оставался один, почти сразу начинал искать, кому написать.

В этом противоречии не было ничего нового. Илья давно научился жить рядом с ним, как живут с фоновым шумом, который замечаешь только после внезапного отключения электричества. Внешне его жизнь трудно было назвать пустой. В ней постоянно что-нибудь происходило: встречи, разговоры, тренировки, публикации, чужие проблемы, которые почему-то всегда требовали его участия, споры в чатах, книги, начатые раньше, чем были закончены предыдущие. Иногда он мечтал о тишине, а получив её, обнаруживал, что тишина не успокаивает, а лишь делает громче всё то, от чего он пытался отвлечься.

Писательство помогало лучше всего.

Пока существовала глава, которую нужно дописать, одиночество можно было назвать сосредоточенностью. Пока персонажи разговаривали в его голове, молчание комнаты переставало быть пустотой. Чужие судьбы заполняли пространство вокруг, и несколько часов Илья жил среди людей, которых придумал сам, но понимал порой гораздо лучше, чем настоящих.

Сегодня это не работало.

Он попробовал начать абзац заново, написал несколько слов и тут же стёр их. Открыл другой документ, где хранились заметки к историческому роману, пролистал список глав, прочёл две случайные цитаты. Затем перешёл в папку с ещё одной книгой, давно разросшейся до такого количества персонажей и сюжетных линий, что работа над ней начинала напоминать управление небольшим государством. Ничто не удерживало внимание.

В теле оставалась усталость после тренировки. Накануне Илья почти час ходил на дорожке, затем делал жим ногами и тягу верхнего блока, а теперь мышцы отзывались ровной, спокойной тяжестью. Эту боль он любил. В ней не было двусмысленности. Тело не притворялось, не прятало смысл за интонацией и не заставляло гадать, почему человек ответил одним словом вместо трёх. Если мышцы болели, значит, они получили нагрузку. Если вес поднимался, значит, сил хватило. Всё было просто, честно и измеримо.

С душевной усталостью никакой такой ясности не существовало.

Илья закрыл ноутбук, и комната сразу погрузилась в полумрак. Через неплотно задёрнутые шторы проникал сероватый свет, хотя рассвет ещё не наступил. За окном стоял туман. Он заполнял двор до самого забора, скрывал сарай, нижние ветви яблонь и старую бочку у теплицы. Капли воды висели на стекле, сливаясь в тонкие дорожки.

Туман здесь появлялся часто. Озерки лежали среди лесов, полей и низин, где после прохладной ночи воздух становился белым задолго до восхода солнца. В детстве Илья любил такие утра. Деревня словно переставала быть частью мира и превращалась в маленький остров, за пределами которого ничего не существовало.

Он раздвинул шторы шире.

Во дворе не было видно даже калитки.

Вечером прошёл дождь, и теперь над землёй поднималась влажная дымка. Она выглядела плотной, но совершенно обычной. Илья несколько секунд наблюдал, как туман медленно перетекает между кустами смородины, затем открыл ноутбук, собираясь всё-таки закончить хотя бы одну страницу.

В дверь тихо постучали.

Мать вошла, не дожидаясь ответа. Она накинула поверх ночной рубашки старый халат и шурилась от света настольной лампы.

— Ты вообще спал?

— Почти.

— Это как?

— Лежал рядом со сном.

Она посмотрела на закрытый ноутбук, на наушники и кружку, в которой давно закончился цикорий.

— Опять пишешь?

— Пытаюсь.

— Получается?

Илья помолчал.

— Значит, действительно пытаюсь.

Мать вздохнула, но улыбнулась. Она привыкла к его ответам и давно научилась различать шутки, за которыми он действительно хотел спрятаться, и те, которые произносил просто потому, что иначе разговор становился слишком серьёзным.

— Я воды попить встала, смотрю — у тебя свет. Думала, забыл выключить.

Она подошла к окну.

— Ничего себе натянуло.

— Красиво.

— Красиво, пока из дома не выходишь. К обеду разойдётся.

Мать хотела уйти, но задержалась возле двери.

— Ты завтра сразу уедешь?

— Наверное.

— Ты всегда «наверное», а потом уже ключами гремишь.

— Работать надо.

— У нас интернет есть.

— Мам.

— Я ничего не говорю.

Именно это она произносила всякий раз, когда собиралась сказать ещё многое, но понимала, что сын всё равно услышит только ту часть, к которой был готов.

— Побыл бы ещё день, — продолжила она. — Куда ты всё время торопишься?

— Я не тороплюсь.

— Конечно. Ты просто нигде надолго не остаёшься.

Илья хотел ответить привычно — что у него дела, работа, квартира, тренировки и множество вещей, которыми нужно заниматься. Все эти причины были настоящими, но прозвучали бы оправданием, поэтому он только пожал плечами.

Мать посмотрела на него внимательнее, словно собиралась спросить что-то ещё, однако передумала.

— Хоть поспи немного.

— Сейчас.

Она закрыла дверь. В коридоре тихо скрипнули половицы, потом щёлкнул выключатель в ванной, зашумела вода. Через несколько минут дом снова затих.

Илья посидел перед закрытым ноутбуком, глядя на собственное отражение в тёмном экране. Фраза матери задела его сильнее, чем он хотел признать.

Ты просто нигде надолго не остаёшься.

С людьми происходило примерно то же самое. Илья умел быть рядом, иногда даже слишком близко. Мог часами слушать, поддерживать, шутить, успокаивать, подбирать слова, когда другой человек их уже не находил. Но внутри него всегда оставалась небольшая незаполненная область, куда он никого не пускал до конца. Возможно, не из недоверия и не из страха. Скорее потому, что сам не понимал, что там находится.

Иногда ему казалось, что эта часть предназначена для кого-то конкретного, кого он ещё не встретил. Иногда — что она возникла после нескольких потерь и теперь уже никогда не исчезнет. В худшие ночи Илья думал, что именно там и находится настоящий он, а всё остальное — лишь разные версии, приспособленные для родителей, дочери, друзей, женщин и читателей.

Он снова открыл ноутбук и создал пустой документ.

Несколько минут курсор мигал посреди белой страницы. Потом Илья написал:

«Иногда человек выходит из дома не для того, чтобы куда-то прийти, а лишь потому, что больше не может оставаться на месте».

Он перечитал предложение. В нём была та неприятная доля правды, которая отличает живой текст от правильно составленного.

Илья сохранил документ, не дав ему названия.

Спать больше не хотелось. До восхода оставалось около часа, и он решил пройтись. Это была не редкость: в Озерках он часто выходил рано утром, особенно летом. Пока деревня спала, знакомые места казались почти новыми, и можно было идти, не встречая соседей, не отвечая на вопросы и не объясняя, почему снова приехал всего на пару дней.

Телефон он оставил заряжаться возле кровати. Батарея почти разрядилась, а прогулка должна была занять не больше двадцати минут. Илья надел лёгкую куртку, сунул ключи в карман и тихо вышел в коридор.

На кухне горел слабый свет над плитой. Мать оставляла его на ночь, хотя давно уже никто не нуждался в таком ориентире. Возле окна стояло бабушкино кресло. На подлокотнике лежал сложенный платок, который, вероятно, положили туда случайно, но из-за этого кресло выглядело так, будто хозяйка лишь ненадолго вышла.

Илья задержался в дверях.

Несколько месяцев назад он ещё мог представить, как бабушка повернёт голову, заметит его и спросит, почему он опять не спит. Теперь лицо вспоминалось отдельными деталями: линия губ, морщины у глаз, волосы, собранные на затылке. Память словно постепенно разбирала человека на части, сохраняя каждую, но лишая их прежнего единства.

Он отвёл взгляд, открыл входную дверь и вышел на крыльцо.

Туман сразу коснулся лица влажной прохладой.

Во дворе пахло мокрой землёй, древесиной и травой. После дождя воздух был настолько чистым, что каждый запах ощущался отдельно. С крыши падали редкие капли, ударялись о металлический край бочки и нарушали тишину коротким звоном.

Илья спустился с крыльца. Туман доходил ему почти до груди, но возле земли был прозрачнее, поэтому дорожку к калитке удавалось различить. Яблони выступали из белизны тёмными искривлёнными силуэтами. Дальняя часть двора исчезла полностью.

Он открыл калитку и вышел на улицу.

Озерки ещё спали. За заборами не горело ни одного окна, не лаяли собаки, не хлопали двери. Деревенская дорога тянулась между домами и растворялась в тумане уже через несколько десятков шагов. Влажный асфальт слабо отражал предрассветный свет.

Илья пошёл к окраине.

Он знал здесь каждый дом, даже если не помнил имён людей, которые теперь в них жили. Некоторые постройки почти не изменились с детства, другие были перестроены настолько, что от прежних остался лишь фундамент. Возле одного забора стояла старая скамейка, на которой много лет назад вечерами собирались соседки. Теперь скамейка покосилась, одна доска потемнела от сырости, но убрать её никто не решался.

За первым поворотом должна была находиться остановка, дальше — небольшой спуск, а ещё через несколько минут дорога расходилась: одна часть вела к другим домам, другая уходила к полям и лесу.

Илья не спешил. Он чувствовал приятную тяжесть в ногах после тренировки и дышал глубоко, позволяя прохладному воздуху окончательно прогнать сонливость. Где-то в памяти продолжала звучать музыка, которую он слушал в комнате. Внутренний слух удерживал ритм барабанов и протяжную гитарную партию, хотя вокруг не было слышно почти ничего.

Туман делал знакомую деревню красивее. Он скрывал новые пластиковые заборы, спутанные провода, мусор возле канав и всё то, что обычно разрушало ощущение тихого места из детства. Оставались только смутные контуры домов, деревья и дорога.

Илья подумал, что стоило взять телефон и снять несколько кадров. Из тумана могла получиться обложка или хотя бы фон для записи в канале. Потом он усмехнулся собственной привычке немедленно превращать любое впечатление в материал. Иногда ему казалось, что он уже разучился просто смотреть. Красивый закат становился фотографией, разговор — диалогом, чужая странная фраза — названием главы. Даже боль через некоторое время начинала восприниматься как нечто, что однажды можно будет использовать.

Возможно, писательство и было самой изощрённой формой бегства. Человек не уходил от пережитого, а забирал его с собой, менял имена, обстоятельства и последовательность событий, а затем выдавал обратно миру как вымысел.

Остановка не появилась.

Илья заметил это не сразу. Он прошёл достаточно далеко, чтобы уже увидеть её тёмную крышу, однако впереди оставалась только белая пелена. Он решил, что неправильно оценил расстояние. В тумане пространство всегда казалось растянутым, а знакомые ориентиры возникали позже, чем ожидаешь.

Ещё через несколько минут справа проступила скамейка.

Илья остановился.

Она стояла возле низкого деревянного забора, одна доска потемнела от сырости, а правая ножка ушла глубже в землю. Именно эту скамейку он уже проходил вскоре после выхода из дома.

Некоторое время Илья рассматривал её, пытаясь понять, где ошибся. Возможно, в деревне было две похожие скамейки. Ничего удивительного: их делали из одних и тех же досок, красили одинаковой зелёной краской и годами не ремонтировали.

Однако за забором находился тот же дом с небольшим чердачным окном. На столбе висел металлический почтовый ящик, крышка которого всегда оставалась приоткрытой. Даже куст сирени рос в том же месте.

Илья оглянулся. Дорога позади растворялась в тумане.

Он мог незаметно свернуть и сделать круг. Хотя никаких ответвлений не помнил, в такой плотной белизне пройти мимо поворота было легко. Илья продолжил путь, внимательнее следя за краем дороги.

Через несколько десятков шагов под ногами исчез асфальт.

Сначала он решил, что вышел на обочину, но поверхность изменилась по всей ширине. Под обувью захрустел мелкий гравий, затем появилась влажная утоптанная земля. Илья сделал шаг влево, ожидая снова почувствовать твёрдый край дороги, но там росла высокая трава. Справа было то же самое.

Он повернул назад.

Туман стал плотнее. Ближайшие деревья исчезли, вместе с ними пропали заборы и крыши домов. Илья шёл осторожно, стараясь не потерять направление, но через несколько минут понял, что земля под ногами остаётся мягкой. Асфальта не было.

Он впервые почувствовал тревогу, пока ещё лёгкую и почти разумную. Заблудиться в Озерках казалось невозможным, но именно невозможность происходящего заставляла искать простое объяснение. Наверное, он вышел к полю. Возможно, свернул на грунтовую дорогу, не заметив поворота. Достаточно идти прямо, и рано или поздно появится забор, линия электропередачи или чей-нибудь дом.

Илья пошёл дальше.

Тишина вокруг изменилась. Прежде она была деревенской: глубокой, но наполненной едва различимыми звуками — шелестом листвы, водой в канаве, далёким движением машины на трассе. Теперь не слышалось ничего, кроме собственного дыхания и приглушённых шагов.

Даже капли перестали падать с ветвей.

Он остановился, и мир вокруг словно исчез окончательно.

— Ну и куда ты пришёл? — негромко спросил Илья у самого себя.

Голос прозвучал непривычно близко, будто туман не позволил ему распространиться дальше нескольких шагов.

Илья снова подумал о телефоне, оставленном возле кровати. Наличие карты и связи вряд ли помогло бы, если он действительно ушёл в поле, но сам факт отсутствия привычного предмета раздражал. Он вышел на двадцать минут, не предупредил родителей и даже не посмотрел точное время.

Впереди проступил тёмный вертикальный силуэт.

Илья приблизился и увидел деревянный столб. На нём не было проводов, табличек или следов краски. Поверхность дерева казалась старой, местами растрескавшейся, однако столб стоял ровно, словно его установили недавно.

За ним обнаружилась дорога.

Только теперь она была выложена широкими плоскими камнями. Между ними рос мох, в углублениях стояла дождевая вода. Такая дорога могла вести к старому дому, заброшенному храму или давно исчезнувшей деревне, но в окрестностях Озерков Илья ничего подобного не видел.

Он присел и провёл пальцами по камню. Тот был холодным и настоящим.

В этот момент страх стал отчётливее. Не паникой, не желанием бежать, а ощущением, что привычный мир допустил ошибку и теперь не знает, как её исправить.

Илья выпрямился. Возвращаться по собственным следам уже не имело смысла: на влажной земле отпечатков не осталось. Туман за спиной выглядел одинаково во всех направлениях, а каменная дорога хотя бы куда-то вела.

Он пошёл по ней.

Через несколько минут впереди появился свет.

Сначала это было едва заметное жёлтое пятно. Оно то исчезало, то возвращалось, и Илья несколько раз принимал его за случайную игру зрения. Затем свет стал ярче, приобрёл прямоугольную форму, и из тумана постепенно проступило окно.

Дом стоял немного в стороне от дороги, за невысоким деревянным забором. Крыша была тёмной от влаги, над трубой поднимался тонкий дым. Во дворе росло большое дерево, ветви которого нависали над колодцем. Дом не выглядел заброшенным или особенно старым. Скорее обычным, жилым, только построенным в манере, которую Илья не мог уверенно отнести ни к современности, ни к прошлому.

Он подошёл к калитке.

Внутри двора лежала деревянная игрушечная машинка с одним отломанным колесом. Возле крыльца стояли маленькие резиновые сапоги, а рядом — женская обувь, испачканная землёй. Эти простые вещи немного успокоили Илью. В доме жили люди. Они могли объяснить, куда он вышел, дать позвонить или хотя бы показать обратную дорогу.

Калитка открылась с тихим скрипом.

Илья прошёл по дорожке и поднялся на крыльцо. Свет горел в крайнем окне, за тонкой занавеской иногда двигалась чья-то тень.

Он постучал.

Сначала ничего не произошло. Потом в доме послышались шаги. Свет в прихожей зажёгся, дверная ручка медленно опустилась, но дверь открылась лишь на ширину ладони.

На пороге стояла женщина лет тридцати. Тёмные волосы были собраны на затылке, поверх длинной домашней рубашки она накинула вязаный кардиган. Сонное выражение её лица почти сразу сменилось настороженностью.

— Вы кто?

— Простите, что разбудил, — сказал Илья. — Я заблудился.

Женщина посмотрела мимо него, на двор и туман за калиткой.

— Сейчас?

— Сам понимаю, как звучит. Я вышел прогуляться и, кажется, свернул не туда.

Её взгляд задержался на его мокрой куртке, затем опустился к обуви, перепачканной землёй.

— Вы один?

— Да.

— Машина где?

— Я пешком.

Женщина нахмурилась ещё сильнее.

— Откуда?

— Из Озерков.

Она несколько секунд молчала.

— Из каких Озерков?

— Из деревни. Здесь рядом. Конаковский район.

В её лице не появилось узнавания.

— Я не знаю такого района.

Илья решил, что она не расслышала или просто недавно переехала.

— Хорошо. Как называется это место?

Женщина не ответила сразу. Из глубины дома донёлся тихий детский голос:

— Мам?

Она обернулась.

— Спи, всё хорошо.

— Кто там?

— Человек заблудился.

В комнате что-то зашуршало, затем снова стало тихо.

Женщина приоткрыла дверь чуть шире.

— Заходите. Не стойте на холоде.

Илья колебался лишь мгновение. Остаться снаружи среди тумана хотелось ещё меньше, чем входить ночью в дом к незнакомому человеку.

В прихожей пахло древесиной, печным дымом и чем-то сладким, вероятно, выпечкой. На стене висели куртки, под ними стояла детская обувь. Всё выглядело обыденно и потому странность происходящего ощущалась ещё сильнее.

— Куртку снимите, — сказала женщина. — Она насквозь мокрая.

Только теперь Илья заметил, что ткань действительно потемнела от воды, хотя дождь давно закончился. Он снял куртку и передал хозяйке.

— Телефон можно попросить?

— Телефон?

Вопрос прозвучал так, словно слово было ей знакомо, но она не ожидала услышать его сейчас.

— Позвонить родителям. Они скоро проснутся и начнут искать.

Женщина посмотрела на небольшой столик возле двери. Там лежали связка ключей, гребень и коробок спичек. Телефона не было.

— У нас нет связи, — сказала она. — Уже давно.

— Совсем?

— Иногда появляется на холме, но сейчас туда лучше не идти.

Илья кивнул, хотя ответ ничего не объяснял.

— Тогда хотя бы скажите, как вернуться к дороге.

— К какой?

— К деревне. Я пришёл оттуда.

Женщина подошла к окну и отодвинула занавеску. Илья встал рядом.

За стеклом туман начинал редеть. В сером предрассветном свете уже различались забор, дерево, колодец и участок земли за калиткой.

Дороги там не было.

За двором тянулось широкое поле. Высокая мокрая трава уходила в белизну, а дальше, на границе видимости, темнела полоса леса.

— Вы пришли со стороны леса, — сказала женщина.

— Нет.

Она посмотрела на него.

— Я шёл по дороге. Там были дома, остановка, асфальт. Озерки начинаются сразу за вашим забором.

Женщина снова перевела взгляд на поле.

— Здесь никогда не было деревни.

Илья приблизился к стеклу, словно расстояние в несколько сантиметров могло мешать ему увидеть знакомые крыши. Туман медленно отступал, открывая всё больше пространства.

Ни одного дома.

Ни одного столба.

Ни дороги, по которой он пришёл.

Там, где ещё несколько минут назад начинались Озерки, лежало незнакомое поле.